

ЮЖНЫИ КРАИ

Воскресенье, 7-го Марта 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ № 9932.

Какъ отзывался А. П. Чеховъ объ игрѣ В. Ө. Коммиссаржевской.

Въ только что вышедшемъ еженедѣльномъ журналѣ „Солнце Россіи“ помѣщены интересныя воспоминанія Е. П. Карпова о А. П. Чеховѣ. Авторъ воспоминаній, режиссировавшій чеховскую „Чайку“ на сценѣ Александринскаго театра, рассказываетъ о томъ, какъ Чеховъ „принималъ“ игру актеровъ и актрисъ, участвовавшихъ въ „Чайкѣ“. Послѣ одной изъ репетицій Е. П. Карповъ спросилъ Чехова:

— Что скажете, Антонъ Павловичъ?

— Ничего... Только играютъ они много... Игры бы поменьше... Давыдовъ неподобенъ будетъ и Варламовъ хорошъ...

— А Вѣра Өедоровна какъ?...

— Коммиссаржевская по фигурѣ очень подходитъ... А только... Вы вѣрно замѣтили ей, что проще надо читать монологъ... Она читаетъ его, какъ хорошая актриса... А, вѣдь, Нина Зарѣчная—деревенская барышня... Первый разъ говорить со сцены... Трусить, дрожить... Она талантлива... Ничего... Я думаю, она сыграетъ...

Но съ каждымъ разомъ В. О. Коммиссаржевская все болѣе и болѣе увлекала Чехова своей игрой.

— Она такъ играетъ,—сказалъ какъ то Антонъ Павловичъ,—словно была у меня въ душѣ, подслушала мои интонаціи... Какая тонкая, чуткая актриса..

Антонъ Павловичъ, какъ большинство авторовъ, нетерпѣливо, нервно

относился къ черной работѣ артистовъ на репетиціяхъ и страшно волновался.

Наконецъ, наступилъ день перваго представленія „Чайки“. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Е. Карповъ:

На первое представленіе „Чайки“ собралась публика юбиллярная, комической актрисы Е. И. Левкѣевой, въ бенефисъ которой шла „Чайка“.

Пришли господа посмѣяться, повеселиться...

И „Чайка“ ей показалась веселой комедіей, если не фарсомъ.

Они все принимали въ смѣшную сторону. Весь первый актъ, почти до конца, стоялъ глупый, жирный хохоть.

Пропало настроеніе артистовъ. Пропали полутоны, пропали итонаціи. Пропало творчество. Пропала пьеса!

— Что же это за ужасъ!.. Я провалила роль... Чему они смѣются?!.. Мнѣ страшно выходить на сцену... со слезами на глазахъ, взволнованная, нервно дрожа всѣмъ тѣломъ, бросилась ко мнѣ В. Ѳ. Коммиссаржевская, послѣ перваго акта.

Я успокоилъ ее, увѣряя, что она превосходно играетъ.

Антонъ Павловичъ, блѣдный, растерянный, ходилъ за кулисами, покусы-

вая свою бородку и, видимо, никого не замѣчая и ничего не понимая. Онъ иногда останавливался у кулисы, прислушивался къ тому, что говорятъ на сценѣ. И при взрывѣ хохота въ залѣ пугливо шарахался, убѣгая ко мнѣ въ кабинетъ или въ уборную Левкѣевой.

Въ срединѣ четвертаго дѣйствія, Антонъ Павловичъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, съ застывшей, бессмысленной улыбкой на посинѣвшихъ губахъ, и хриплымъ, тусклымъ, какимъ то задавленнымъ голосомъ сказалъ:—Авторъ провалился.

Веселая публика загубила, провалила „Чайку“.